

**СИНТАКСИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Д. Н. УШАКОВА:
ХРАНИТЕЛЬ ФОРТУНАТОВСКИХ ТРАДИЦИЙ
ИЛИ УЧЕНЫЙ-ЭКСПЕРИМЕНТАТОР?**

Селеменова О. А.

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина (Елец, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0488-842>

SPIN-код: 4731-7091

Аннотация. В статье дана характеристика синтаксических взглядов Д. Н. Ушакова на проблему предложения и его членов в русском языке. Выполненный обзор лингвистических работ, посвященных оценке научного и методического наследия ученого, наглядно показал, что данный аспект его деятельности так и остался за пределами изысканий современных филологов. Будучи широко известен как лексикограф, нормализатор русской орфоэпии и орфографии, диалектолог, Д. Н. Ушаков совсем не известен как синтаксист. Автор статьи отмечает, что в области синтаксиса лингвист во многом опирался на новаторские идеи своего учителя Ф. Ф. Fortunatov. Однако в отличие от него смог преодолеть влияние психологизма, разграничив психологическое суждение и предложение, психологическое и грамматическое подлежащее и сказуемое. Показано, что Д. Н. Ушаков интересовался достаточно широким кругом вопросов синтаксиса предложения: роль интонации в предложении, типы связок в составном сказуемом, принципы классификации второстепенных членов, средства выражения отношений в сложном предложении. Зачастую ограничиваясь отдельными замечаниями, Д. Н. Ушаков тем не менее демонстрирует высокий профессионализм и тонкое чувство языка, оказываясь идейно близок в некоторых своих тезисах крупнейшим отечественным теоретикам-синтаксистам А. А. Шахматову и А. М. Пешковскому. В статье акцентируется внимание и на вопросе участия Д. Н. Ушакова в дискуссии по объему предлагаемого к изучению материала по синтаксису в программах для советской школы 20-х гг. XX в. В своих дидактических взглядах лингвист остается умеренным формалистом, ратуя за освобождение курса школьного синтаксиса от «логики» и изучение взаимного отношения слов и предложений и способов выражения этих отношений. Автор приходит к выводу, что в синтаксисе Д. Н. Ушаков все же не был экспериментатором, но не был и хранителем исключительно fortunatovских традиций. Благодаря широте кругозора, открытости новому знанию, простоте стиля он занял особое место – проводника наиболее продуктивных синтаксических идей ряда своих современников.

Ключевые слова: формальная грамматика; психологическое суждение; предложение; типы связок в составном сказуемом; второстепенные члены предложения; школьный курс синтаксиса

Для цитирования: Селеменова, О. А. Синтаксические взгляды Д. Н. Ушакова: хранитель fortunatovских традиций или ученый-экспериментатор? / О. А. Селеменова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 337–348. – DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-337-348.

**SYNTACTIC IDEAS OF D. N. USHAKOV: A GUARDIAN OF FORTUNATOV'S TRADITIONS
OR A SCHOLAR-EXPERIMENTALIST?**

Olga A. Selemeneva

Bunin Yelets State University (Yelets, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0488-842>

Abstract. The article deals with the syntactic ideas of D. N. Ushakov on the problem of the sentence and its members in Russian. The author's review of the linguistic works devoted to the assessment of the scientific and methodological heritage of the scholar clearly show that this aspect of the activity of Ushakov has remained outside the survey of modern philologists. Ushakov is widely known as a lexicographer, a specialist in the normative Russian orthoepia and orthography, and a dialectologist, but not at all known as a researcher of the syntax of the Russian language. The author of the article notes that in the field of syntax, the linguist largely relies on the innovative ideas of his teacher F. F. Fortunatov. However, unlike him, Ushakov manages to overcome the influence of psychologism by distinguishing between the psychological judgment and the sentence, and between the psycho-

logical subject and predicate and the grammatical ones. The article shows that Ushakov was interested in a fairly wide range of issues of the sentence syntax: the role of intonation, the types of link-verbs in the compound predicate, the principles of classification of secondary parts of the sentence, the means of expressing relations in a composite sentence, etc. Often limited to individual comments, Ushakov nevertheless demonstrates high professionalism and a subtle sense of language, finding himself ideologically close in some of his theses to the largest domestic syntax theorists A. A. Shakhmatov and A. M. Peshkovsky. The article also focuses on the issue of Ushakov's participation in the discussion of the scope of syntactical material chosen for study in the curricula of the Soviet schools of the 1920s. In his didactic views, the linguist remains a moderate formalist, advocating the liberation of the school syntax course from "logic" and the study of the interrelations between words and sentences and the ways of expressing these relations. The author comes to the conclusion that in the sphere of syntax, Ushakov was still not an experimenter, and neither the keeper of exclusively Fortunatov's traditions. Due to the breadth of outlook, openness to new knowledge and simplicity of style, he took a special place as a popularizer of the most productive syntactic ideas of a number of his contemporaries.

Key words: "formal grammar"; psychological judgment; sentence; types of link-verbs in the compound predicate; secondary parts of the sentence; school syntax course

For citation: Selemeneva, O. A. (2023). Syntactic Ideas of D. N. Ushakov: A Guardian of Fortunatov's Traditions or a Scholar-Experimentalist? In *Philological Class*. Vol. 28. No. 4, pp. 337–348. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-337-348.

Дмитрий Николаевич Ушаков в ряду достойнейших представителей отечественной лингвистики – И. А. Бодуэна де Куртенэ, Е. Д. Поливанова, Ф. Ф. Fortunatova, А. А. Реформатского, А. А. Шахматова и многих других – принадлежит к совершенному особому типу исследователей, для которых характерно, по мнению М. В. Панова, успешное решение двух задач: с одной стороны, открытие универсальных законов «Языка как достояния человечества», а с другой – изучение родного языка как драгоценности «в ее сокровенных и неповторимых особенностях» [Ушаков 1995: 32]. Прославленный русист не только смог реализовывать эти задачи, но и уравновесить их.

Создатель первого толкового словаря современного русского литературного языка в четырех томах; активный участник Московской диалектологической комиссии, стоявший у самых истоков изучения «русского языка в его говорах» [Высотский 2003: 81]; видный организатор «деятельности орфографических комиссий послереформенного периода» (реформа 1917–1918 гг.) [Науменко 2018: 62]; носитель «исключительного по красоте и совершенству русского литературного произношения» [Аванесов 1973: 100], ставший «рыцарем русской орфоэпии» [Прохорова 2014: 161]; «учитель учителей» [Никитин 2018: 88]; блестящий лектор и исторически исключительно плодотворный деятель «русской, и общесоюзной, и мировой культуры» [Ушаков 1995: 11] – все

эти слова современников и благодарных потомков о Д. Н. Ушакове.

Научное и методическое наследие Д. Н. Ушакова в фокусе исследований современных ученых

В научно-педагогической биографии Д. Н. Ушакова обычно выделяют три периода: этнографо-диалектологический (дооктябрьский), методический (20-е гг. XX в.) и лексикографический (30-е гг. XX в.) [Добродомов 2003: 59]. Однако круг интересов лингвиста отнюдь не замыкался диалектологией, лексикографией и методикой преподавания русского языка и был чрезвычайно широк: сравнительное языкознание, история и теория языка, орфография, описательная фонетика, культура речи, язык художественной литературы... О неограниченном вкладе «легенды русского слова» в развитие филологии уже написано немало, о чем свидетельствует выпущенный в 2023 г. к 150-летию юбилею библиографический указатель¹. Целая плеяда современных ученых – В. М. Алпатов, Е. Н. Басовская, Ж. В. Ганиев, Ф. Н. Двинятин, И. Г. Добродомов, С. В. Науменко, И. В. Нефедов, Т. П. Нефедова, О. В. Никитин, С. П. Пра-

¹ Легенда русского слова – лингвист и педагог: к 150-летию со дня рождения Д. Н. Ушакова: библиографический указатель / Министерство культуры Курской области, Курская областная универсальная научная библиотека им. Н. Н. Асеева; составитель М. Г. Сороколетова; ответственный за выпуск Е. И. Аболмасова. Курск, 2023. 27 с.

ведников, И. О. Прохорова, О. Н. Филиппова и др. – обращается к оценке научного и методического наследия Д. Н. Ушакова.

Так, «вершиной деятельности ученого» В. М. Алпатов считает «Толковый словарь русского языка» [Алпатов 2002: 24]. И. В. Нефедов и Т. П. Нефедова, анализируя достоинства и недостатки словаря (системность лексического материала, точность семантического анализа слов, обилие поговорок и пословиц, злоупотребление общеполитической лексикой и т. п.), приходят к выводу о несомненном его содействии в обогащении русского языка [Нефедов, Нефедова 2013: 9–13]. Включая указанный лексикографический труд в контекст лингвистических дискуссий 1930-х гг., О. В. Никитин резюмирует, что несмотря на время серьезных идеологических испытаний для общества и науки этого времени словарь К. Д. Ушакова демонстрирует «подлинные ориентиры современной лексикографии» и «сохраняет академические традиции» [Никитин 2016: 39].

К разным аспектам нормализаторской деятельности К. Д. Ушакова в области русской орфоэпии и орфографии обращаются Ж. В. Ганиев, И. О. Прохорова, С. В. Науменко, О. Н. Филиппова и др. [Ганиев 2010; Прохорова 2014; Науменко 2018, 2019; Филиппова 2023]. Анализ орфоэпических подходов и рекомендаций Д. Н. Ушакова позволяют И. О. Прохоровой прийти к следующему выводу: лингвист «на много лет вперед сумел определить путь развития орфоэпической культуры общества» [Прохорова 2014: 164]. А С. В. Науменко высоко оценивает вклад Д. Н. Ушакова в нормализацию правописания на основе двух принципов – единообразия и последовательности [Науменко 2018: 58]. Находясь «в авангарде орфографического движения XX века», лингвист смог добиться того, что упорядочивание орфографии «стало осознаваться и обществом, и государством как важнейший приоритет» [Там же: 62]. А его новаторский школьный «Орфографический словарь» стал «классикой отечественной орфографической лексикографии первой половины XX в.», памятником «подвижнической деятельности» своего создателя [Науменко 2019: 97].

О. В. Никитиним, Е. Н. Басовской ве-

дется большая работа по освоению архивных материалов: неопубликованных трудов Д. Н. Ушакова, его личной переписки, выступлений его учеников и т. п. [Никитин 2002; Высотский 2003; Басовская 2017]. Например, в 2002 г. в журнале «Вопросы языкознания» О. В. Никитиним публикуются протоколы 189-го заседания Московской диалектологической комиссии, на котором председательствовал Д. Н. Ушаков [Никитин 2002]. В 2003 г. в журнале «Русская речь» ученый впервые по машинописной копии стенограммы, хранящейся в архиве РАН, представляет широкой общественности доклад С. С. Высотского, прочитанный 23 июня 1942 г. на заседании филологического факультета МГУ и Института языка и письменности АН СССР [Высотский 2003]. В своем выступлении известный диалектолог и историк языка, ученик Д. Н. Ушакова, определил «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе» (1915 г.) как «монументальный труд Дмитрия Николаевича, воспитавший диалектологов и послуживший мощной базой и импульсом для дальнейшего развития русской диалектологии» [Там же: 84]. А в 2018 г. в журнале «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» увидела свет переписка А. А. Шахматова с Д. Н. Ушаковым, отзыв Д. Н. Ушакова о «Методике русского языка» П. О. Афанасьева, а также воспоминания о нем М. Н. Петерсона, С. И. Ожегова, декана филологического факультета МИФЛИ А. М. Еголина [Никитин 2018].

Е. Н. Басовская в 2015 г. на страницах журнала «Вестник Российского государственного гуманитарного университета» публикует переписку между прозаиком Ф. В. Гладковым и Д. Н. Ушаковым, хранящуюся в архивах РАН, а также материалы, отражающие сотрудничество известного филолога с Радиокomiteтом СССР [Басовская 2015]. В центре статьи – лингвистическая полемика о «чистоте языка», развернувшаяся на страницах «Литературной газеты» в 1939 г. В 2016 г. в журнале «Новое литературное обозрение» ученым обнаружится дружеская переписка Д. Н. Ушакова и латиниста Ф. Е. Корша [Басовская 2016]. А в 2017 г. Е. Н. Басовская обращается к неопубликованному учебно-

му пособию Д. Н. Ушакова «Материалы для учебной книги по развитию речи» из Центрального московского архива-музея личных собраний [Басовская 2017]. На материале указанного пособия и ряда опубликованных работ она формулирует оригинальные ушаковские дидактические принципы: почти врачебный «не навреди», «не противопоставляй школьное знание академическому», «не отделяй развитие речи от развития мысли», «делай материал интересным и увлекательным» [Басовская 2017: 13–14, 16–17]. Последовательная реализация этих принципов в системе традиционных и нетрадиционных авторских упражнений, представленных в «Материалах...», свидетельствует о постоянном стремлении Ушакова-педагога ориентироваться на «интересы и возможности ученика», создавать на занятиях атмосферу «творческого сотрудничества» [Там же: 17]. В условиях постулирования необходимости гуманизации и гуманитаризации современного российского образования, утверждения ценности человеческой личности, акцентуации роли науки в деле и интеллектуального, и духовно-нравственного воспитания молодежи заветы Д. Н. Ушакова, на наш взгляд, звучат особенно актуально.

Масштаб личности Д. Н. Ушакова до сих пор позволяет открывать и открывать новое в деятельности ученого, педагога, организатора, находить и устранять белые пятна на профессиональной карте Человека-эпохи. Одной из таких лакун выступают синтаксические взгляды Д. Н. Ушакова.

Простое предложение в концепции Д. Н. Ушакова: освобождение от «психологизма»

О синтаксической системе русского языка лингвист написал немного. Взгляд Ушакова-ученого на предложение и систему его членов изложен в работе «Краткое введение в науку о языке» (1913 г.), а взгляд Ушакова-педагога на объем изучаемого материала в школе по курсу синтаксиса – в опубликованных докладах «Спорные вопросы в новой программе грамматики» (1923 г.) и «Грамматика и орфография в новой программе» (1928 г.) [Ушаков 1995].

Хотя имя Д. Н. Ушакова никогда не упоминалось в ряду известных отечественных синтаксистов (и тоже учеников Ф. Ф. Фортунатова) М. Н. Петерсона, А. М. Пешковского,

А. А. Шахматова, его представления о синтаксической системе вызывают интерес в силу того, что и на этом поприще ученый проявил и глубокое знание законов современного русского языка, и высокий профессионализм, и дар научной интуиции.

В целом в области грамматики Д. Н. Ушаков опирался на новаторские идеи своего учителя Ф. Ф. Фортунатова о языке как совокупности отношений и грамматической форме. Непосредственно в синтаксических изысканиях, как и основоположник формального направления, Д. Н. Ушаков не смог полностью избежать влияния психологизма. Так, Ф. Ф. Фортунатов при рассмотрении вопросов соотношения языка и мышления, языка и речи оперировал понятиями «представлений», «ощущений», «психических ассоциаций», «предложений в мысли» (психологических суждений) [Фортунатов 1956]. Суждение он считал отдельной мыслью, образуемой «объединением (в чувстве соотношения) одного представления с другим» [Там же: 126]. В структуре суждения у лингвиста присутствовали два элемента: психологическое сказуемое и психологическое подлежащее [Там же]. Аналогичные рассуждения находим у Д. Н. Ушакова: «Соединение в мысли двух представлений называется психологическим суждением... Процесс суждения основан на ассоциациях представлений. То представление, от которого отправляется процесс суждения, называется подлежащим суждения, а то, которое сознается объединяющимся с ним или отделяющимся от него, – сказуемым...» [Ушаков 1995: 84].

Несмотря на наличие прямых параллелей у учителя и ученика именно Д. Н. Ушаков, согласно верному замечанию советского и российского лингвиста М. В. Панова, первый «сказал “нет” психологизму», а его размышления о представлениях и ассоциациях представлений являются, скорее, еще «проявлением инерции» [Там же: 24–25].

Действительно, первостепенной задачей Д. Н. Ушаков считал развести понятия психологического суждения и предложения, разграничить психологическое и грамматическое подлежащее и сказуемое [Там же: 109]. Утверждая свободу лингвистики от категорий психологических,

Д. Н. Ушаков искал при анализе предложения формальных, языковых признаков и находил их. У него грамматические подлежащее и сказуемое определялись «той или иной формой – самого ли слова или формой сочетания слов» [Там же] в отличие от психологического подлежащего и сказуемого, определяемых на основе представлений (см. цитату, приведенную выше) [Там же: 84].

Ф. Ф. Fortunatov объектом синтаксиса считал словосочетание, разновидностью которого выступало предложение [Fortunatov 1956: 183]. Д. Н. Ушаков не смешивал термины «словосочетание» и «предложение» и принимал под предложением словесное выражение суждения, а границами предложений с грамматической точки зрения признавал интонацию: «...границы предложений определяются только соотношением интонаций» [Ушаков 1995: 109]. В этом он гораздо ближе другому ученику Ф. Ф. Fortunatova и крупнейшему отечественному теоретику-синтаксису А. А. Шахматову, чем своему учителю. У А. А. Шахматова читаем: «...предложение – это словесное, облеченное в грамматическое целое (посредством согласования составных частей и интонации) выражение психологической коммуникации» [Шахматов 2001: 29–30].

В работах Д. Н. Ушакова обнаруживаем мысль о предложении как единице языка, т. е. синтаксическом знаке, который не создается каждый раз заново, а «хранится в памяти в готовом виде и воспроизводится в необходимый момент» [Norman 2013: 35]: «...мы при передаче своей мысли... пользуемся готовыми словами в готовых сочетаниях, которые мы переняли у старшего поколения; мы составляем, таким образом, новые предложения из разрозненных частей старых» [Ушаков 1995: 110]. И пусть эта мысль еще не выкристаллизовавшаяся, завуалированная, но она выступает своеобразной предтечей идеи абстрактных образцов, моделей, структурных схем, обнаруживающейся у отечественных ученых, представляющих самые разные направления: от формально-грамматического направления 60–80-х гг. XX в. до функционального и когнитивного синтаксиса конца XX – первой четверти XXI в.

При классификации предложений

Д. Н. Ушаков оперирует терминами «грамматические» и «неграмматические», «полные» и «неполные» [Ушаков 1995: 110–112]. Эти термины фигурировали и у Ф. Ф. Fortunatova, но применительно к словосочетаниям [Fortunatov 1956: 182–187]. В частности, к законченным словосочетаниям относились грамматические предложения, включавшие в себя грамматическое подлежащее и грамматическое сказуемое, представленное спрягаемым глаголом; неграмматическими же считались словосочетания, в которых отношения формами слов не выражены [Там же]. В неполных предложениях у Ф. Ф. Fortunatova только одна часть психологического суждения находил словесное выражение (знаменитый пример *Пожар* с языковым выражением только сказуемого психологического суждения), в полных – обе [Там же: 183].

Дефиниции Д. Н. Ушакова не только стилистически более ясны и прозрачны, но и избавлены от акцентуации связи предложения с психологическим суждением и его членами. Он отмечает, что в грамматических предложениях отношение сказуемого и подлежащего выражается средствами языка (например, связочным глаголом, окончанием полнозначного глагола или суффиксом), а в неграмматических остается невыраженным [Ушаков 1995: 112]. К неграмматическим предложениям, судя по приводимому ученым ряду примеров (*Завтра экзамен*, *Моська ну на слона кидаться*, *Татьяна – ах!* и др.), причислялись двусоставные полные предложения со сказуемыми, выраженными неизменяемыми частями речи, и эллиптические предложения [Там же].

Дифференциация предложений на полные и неполные у Д. Н. Ушакова осуществлялась на основе способности предложения выражать законченную или незаконченную мысль [Там же: 110]. Односоставные предложения – определенно-личные, неопределенно-личные и безличные – рассматриваются ученым как полные: «...такие однословные предложения, как “возьми”, “звонят”, “морозит”, являются полными, так как выражают целые суждения» [Там же].

Д. Н. Ушаков о главных и второстепенных членах простого предложения

Д. Н. Ушаков, как и Ф. Ф. Фортунатов, выделял сказуемые простые и составные, но в отличие от своего учителя акцентировал внимание на вопросе типологии связок в составном именном сказуемом. В частности, он указал на наличие в русском языке трех групп связок. Прежде всего, тех, которые выражены «частичным словом» [Ушаков 1995: 112]. Термин «частичное слово» фигурировал в работах Ф. Ф. Фортунатова и применялся к грамматической связке *был* (*Пушкин был поэт*) [Фортунатов 1956: 186]. Д. Н. Ушаков отнес связку *быть* (*есть*), именуемую в современном синтаксисе «отвлеченной» или «незнаменательной», как раз к первому типу. Эту связку он отличал от полнозначного бытийного глагола, способного выступать в предложении простым глагольным сказуемым.

Вторую группу у Д. Н. Ушакова составили связки, представленные глаголами, «обычно являющимися самостоятельными» словами [Ушаков 1995: 112]. Такие связки иллюстрировались примерами *жить*, *сидеть*, т. е. глаголами, полностью сохраняющими лексическое значение и выступающими в современном синтаксисе знаменательными связками.

Третья же группа включала глаголы, которые функционируют в предложениях «то в роли самостоятельных слов, то в роли связки» [Там же]. К таким глаголам были отнесены *являться* и *казаться*, которые обладают некоторой долей лексического значения (помимо грамматического выражения времени и наклонения) и являются поэтому в современном русском языке ползнаменательными связками. Функцию связок вне зависимости от принадлежности к той или иной группе Д. Н. Ушаков видел в осуществлении связи между подлежащим и сказуемым, а самыми частотными считал связки третьей группы [Там же].

Ученый отмечал в русском языке и наличие сказуемых с нулевой связкой при именной части в предложениях типа *Я болен* [Там же]. Отметим, что сам термин «нулевая связка», введенный в научный обиход еще одним известнейшим учеником Ф. Ф. Фортунатова А. М. Пешковским в работе «Русский синтаксис в научном освещении» [Пешковский 2001: 258], не использовался. Д. Н. Ушаков форму времени в синтаксических конструкциях, по-

добных приведенной выше, называет «отрицательной», осознающей как настоящее время «вследствие отсутствия формальной принадлежности и соотносительно с *я был болен, я буду болен*» [Ушаков 1995: 112]. По сути Д. Н. Ушаков, иллюстрируя свои рассуждения приведенными примерами, строит парадигмы с нулевой и словесно выраженной связкой, аналогичные тем, которые приводил А. М. Пешковский в доказательство «способности языка создавать нулевые формы» [Пешковский 2001: 258].

Помимо главных членов предложения, Д. Н. Ушаков, как и Ф. Ф. Фортунатов, рассматривал второстепенные, для которых использовал традиционные термины «определение», «дополнение», «обстоятельство». Однако у Ф. Ф. Фортунатова дифференциация второстепенных членов основана еще только на значении: дополнение «обозначает самостоятельный предмет мысли в данном его отношении к другому предмету мысли»; определение – «несамостоятельный предмет мысли, признак в его принадлежности другому самостоятельному предмету мысли»; а обстоятельство – «несамостоятельный предмет мысли, признак в его принадлежности другому самостоятельному предмету мысли» [Фортунатов 1956: 184]. Д. Н. Ушаков же выступает за различие второстепенных членов не только с точки зрения смысловой, но и формальной, грамматической. Второстепенные члены, подобно главным, получают у него «известные, им собственные формы (формы самих слов или формы сочетания слов)» [Ушаков 1995: 111]. Для идентификации второстепенного члена предложения он считал неприемлемым использовать исключительно падежный или смысловой вопрос, поскольку «такой способ показывает, что при синтаксическом разборе имеют в виду мысль, а не словесное ее выражение» [Там же: 113]. Игнорирование, по его мнению, грамматики приводит к двойственности определения одной и той же грамматической формы. Например, грамматическая форма *отца* в сочетании *дом отца* – определение, а *вижу отца* – дополнение [Там же].

Синтаксис сложного предложения в работах Д. Н. Ушакова

В работах Д. Н. Ушакова синтаксис сложного предложения специально не

разрабатывался. Но ученый указывал на наличие средств выражения отношений не только между членами простого предложения, но и частями сложного предложения: «Как существуют в языке средства для выражения отношений между членами предложения, так и отношение между предложениями тоже может быть выражено» [Ушаков 1995: 112–113]. К таким средствам он относил союзы, местоимения, порядок слов, интонацию [Ушаков 1995: 113].

Подобно Ф. Ф. Fortunatovu, Д. Н. Ушаков не выделял бессоюзное сложное предложение в особый тип, полагая, что средствами выражения подчинительной связи служат и союзные средства, и интонация (ср. *Когда я его увижу, я скажу ему. – Мужик тонул, топор сулил*) [Там же].

Д. Н. Ушаков критиковал логический принцип в классификации сложноподчиненных предложений, указывая, как и в случае с разграничением второстепенных членов предложения, на игнорирование при дифференциации придаточных грамматической стороны. Он писал: «...одинаково грамматически, оказывалось различным, смотря по вопросу, напр., одно и то же придаточное предложение в одной фразе: *край, где все обильем дышит* – оказывалось определенным, в другой: *там, где все обильем дышит* – обстоятельством места, в третьей: *не знаю, где все обильем дышит* – дополнительным» [Там же: 114].

Д. Н. Ушаков об изучении школьного курса синтаксиса в условиях трансформации системы школьного образования 1920-х годов

Несмотря на то, что тема статьи касается преимущественно научных взглядов Д. Н. Ушакова на основную единицу синтаксической системы русского языка, считаем все-таки невозможным обойти вниманием вопрос участия лингвиста в создании и обсуждении программ по грамматике для советской школы 20-х гг. XX в., поскольку наибольшую дискуссию в то время вызвал именно предлагаемый к изучению материал по синтаксису.

Но сначала несколько слов об историческом контексте. В целом 1920-е гг. для системы школьного образования в условиях общей трансформации страны стали временем инноваций и внедрения нова-

торских педагогических практик. «Обращение к населению» первого наркома просвещения РСФСР А. В. Луначарского от 29 октября 1917 г. послужило тем официальным документом, который положил начало созданию «абсолютно новой единой, всеобщей, светской, трудовой, бесплатной и обязательной школы» [Щукин 2021: 465]. Проведенные советской властью реформы системы народного просвещения привели в середине 1920-х гг. к созданию семилетней школы, имеющей двухступенчатую структуру: школа I ступени с четырехлетним сроком обучения учащихся 8–12 лет и школа II ступени Первого Концентра та с трехлетним сроком обучения подростков 12–15 лет [Там же: 469]. Отметим, что существовала еще школа II ступени Второго Концентра та, но в 1930 г. постановлением коллегии Наркомпроса, ЦК ВЛКСМ и ЦК союза работников просвещения она была преобразована в техникумы [Там же].

Реформирование системы образования и выдвигание на первый план воспитательной функции подрастающего поколения, а не образовательной явились причинами, определившими необходимость разработки нового содержания школьного образования и, соответственно, новых образовательных программ.

В 1920 г. Д. Н. Ушаков и М. Н. Петерсон, а также педагог-методист Н. М. Соколов приступили к составлению программы грамматики для школ I ступени, которая в 1921 г. была принята Государственным ученым советом при Наркомпросе. Одна из задач, стоявших перед составителями, заключалась в определении объема теоретического материала по грамматике, которым должен овладеть каждый школьник на I ступени. Ратуя за максимальное сближение академического и школьного знания, Д. Н. Ушаков результатом обучения курсу грамматики русского языка считал получение учениками суммы «научных, хотя и весьма элементарных, сведений» [Ушаков 1995: 234]. В области синтаксиса, в соответствии с указанной программой, обучающимся необходимо было «научить распознавать, что говорится и о чем говорится в речи, научить понимать взаимное отношение слов и предложений и, наконец, определять, выражено или не выражено это

отношение, а если выражено, то чем выражено» [Там же: 237].

Курс синтаксиса в этой программе по сравнению с другими разделами претерпел значительные изменения: произошло сильное сокращение материала. Например, исключалось понятие о главных и второстепенных членах, типах простых предложений, видах придаточных¹. В результате из собственно синтаксической терминологии в программе были оставлены только термины «предложение» и «придаточное предложение» «ради удобства называния известных сочетаний слов» [Ушаков 1956: 49]. Подобное сокращение материала объяснялось следующим образом: «Школьный синтаксис наиболее из всех отделов грамматики построен на ложной основе, именно в нем господствовала логико-грамматическая точка зрения, в силу которой занимались собственно не языком, а мыслью, что составляет задачу логики...» [Там же: 47–48]. К тому минимуму, которым должен овладеть обучающийся, например, при изучении сложного предложения, относилось только выделение главной и придаточных частей и слов главной части, связанных с придаточным по смыслу. Составители программы утверждали, что «этого вполне достаточно и для цели собственно грамматической, и для цели прикладной – расстановки знаков препинания» [Там же: 48].

Подобный радикальный подход к объему изучаемого теоретического материала по курсу синтаксиса русского языка вызвал резкую критику учителя (в опубликованном докладе Д. Н. Ушакова не фигурируют конкретные имена, а лишь присутствуют ссылки типа «часть школьных работников», «астраханское учительство»), которое все же полагало, что «синтаксис не только не надо урезать, а с него надо начинать и его надо “поставить в центре грамматических наблюдений по языку”» [Там же: 238]. Возражая, Д. Н. Ушаков писал, что «в новых учебниках синтаксиса еще очень много “логики”, и велика опасность, наполнив их содержанием про-

грамму I ступени, дать вовсе не реальные научные сведения, а вместо одной схоластики – другую» [Там же]. Отказ на I ступени школьного обучения от знакомства практически со всеми синтаксическими единицами, по мнению лингвиста, позволит «не засорять детских голов, ограничиться самым существенным из того, что соответствует содержанию учебников синтаксиса» [Там же].

Некоторые доводы Д. Н. Ушакова в пользу упрощения курса синтаксиса для учеников 1 – 4 классов, как показало время и практика преподавания, оказались все же спорными. Курс синтаксиса, конечно, сложен, и для успешного его освоения требуется сформированность абстрактного мышления, которое бы в полной мере обеспечило понимание обучающимися синтаксических понятий. Однако достижения современной психологии доказывают, что никаких «оснований считать интеллектуальные возможности младших школьников заниженными» [Газаева 2005: 1] (вспомним аргумент «засорение голов») или препятствующими осмыслению синтаксических единиц нет. А это значит, что несмотря на пропедевтический характер синтаксиса на I ступени школы (Д. Н. Ушаков назвал синтаксис I ступени «преддверием синтаксиса» [Ушаков 1995: 240]) важно сформировать у школьников прочную терминологическую базу, научить идентифицировать языковые единицы, видеть их сходства и различия. А минимизация и нарочитое сокращение материала реализации подобных целей способствовать не будет.

Мы уже упоминали, что Д. Н. Ушаков объектом изучения синтаксиса видел и словосочетание, и предложение. Однако в 20-е гг. XX в. школьные учебники строились на синтаксисе предложения, очищенного «от крайностей логического направления» [Ушаков 1995: 248]. Это и послужило причиной построения синтаксического отдела программы 1927 г. на основе исключительно синтаксиса предложения [Там же]. Включение синтаксиса словосочетания, освобожденного от понятий подлежащего и сказуемого, в школьное обучение Д. Н. Ушаков считал делом будущего [Там же]. И оказался прав. Несмотря на нерешенность и в современной лингвистике вопроса о минимальной и макси-

¹ Программы для I и II ступени семилетней единой трудовой школы. РСФСР: Государственное издательство, 1921. С. 6–62. URL: <http://elib.gnpbu.ru> (дата обращения: 03.07.2023).

мальной синтаксических единицах, именно словосочетание и предложение рассматриваются в качестве основных единиц докоммуникативного и коммуникативного уровней соответственно в школьной и вузовской грамматике.

Кроме того, нужно отдать должное размышлениям Д. Н. Ушакова о том, что изучение синтаксиса должно стоять «на твердом научном, языковом пути» [Ушаков 1995: 240] и что школьники постепенно (уже на II ступени школы) должны переходить к наблюдениям над значениями синтаксических единиц, различными функциями форм слов, «над различиями формальной и “логической” стороны» [Там же]. Современные тенденции в школьном российском образовании – непрерывность, принцип вариативности, творческая направленность, повышение уровня коммуникативной компетенции – как раз диктуют ведущую роль теоретических научных знаний в обучении синтаксису и в целом грамматике, особое внимание к функциональной стороне языковых единиц, выполнение многоаспектного анализа (формальный, семантический, прагматический и др.) синтаксических единиц.

Отмечая те идеи Д. Н. Ушакова в области методики преподавания синтаксиса в школе, которые явно опережали время, позволим себе и критическое замечание. При закреплении теоретических знаний по синтаксису лингвист не считал эффективным выполнение синтаксического разбора. Он подобный вид упражнений называл расклеиванием «ярлычков над словами» [Там же: 239]. Очевидно, что это мнение сформировано под влиянием формальной школы и неприятия логического направления. Ведь его представители, напротив, при освоении курса синтаксиса огромную роль отводили синтаксическому разбору предложения. Так, в «Учебном плане преподавания русского языка и словесности» 1873 г. синтаксический анализ, сопрягаясь с этимологическим (все вместе – грамматический разбор), являлся обязательным в 1 – 4 классах [Телкова 2012: 259]. Д. Н. Ушаков же, оставаясь формалистом, по-настоящему важными при освоении синтаксиса считал только тренировочные упражнения, направленные на

определение «взаимных отношений слов и предложений в речи» [Ушаков 1995: 239]. С этим тезисом ученого сложно согласиться. Ведь синтаксический разбор способствует не только закреплению полученных теоретических знаний в области основных синтаксических понятий, прочному усвоению типологии синтаксических единиц, их связей, отношений, но и развитию логического мышления, аналитических способностей школьников, формированию синтетических учебно-языковых умений.

Заключение

Отвечая на заявленный в теме статьи вопрос, мы констатируем, что Д. Н. Ушаков все же в синтаксисе русского языка не был экспериментатором, но не был и просто хранителем фортунатовских традиций. Да, он не создал капитальных синтаксических трудов, как сделали это другие ученики Ф. Ф. Фортунатова – А. А. Шахматов и А. М. Пешковский. Не будучи крупным теоретиком-синтаксистом, лингвист ограничился частными замечаниями о синтаксической системе современного русского языка, анализом отдельных иллюстративных примеров. Но даже весьма небольшое по объему наследие, оставленное Д. Н. Ушаковым, показывает, что ученик пошел дальше своего учителя. Ведь Ф. Ф. Фортунатов не смог провести «антипсихологизм» через синтаксическую систему взглядов, игнорировал качественное своеобразие словосочетания и предложения. А взгляд Д. Н. Ушаков на предложение и его члены – это как раз реальная попытка преодоления психологизма.

Благодаря широте научного кругозора, языковому чутью, интуиции, открытости новому знанию, отсутствию закостенелости Д. Н. Ушаков занял в кругу лингвистов первой половины XX в., обращавшихся к проблемам синтаксиса русского языка, особое место. И это место проводника наиболее продуктивных (как показало время) идей современников. И речь идет не только об идеях его учителя – Ф. Ф. Фортунатова. В работах ученого присутствуют и идея разграничения синтаксиса словосочетания и синтаксиса предложения, авторство которой принадлежит А. А. Шахматову, и идея нулевой связки (пусть и без точного терминологического

обозначения), о которой писал А. М. Пешковский. Роль интонации для оформления простого предложения, разные типы связей в составном именном сказуемом по признаку сохранения или утраты лексического значения, грамматический принцип классификации второстепенных членов, аналогия средств выражения отношений между членами простого предложения и частями сложного – далеко не полный перечень вопросов, заявленных у Д. Н. Ушакова и разрабатываемых как его современниками, так и лингвистами II половины XX в. –

первой четверти XXI в.

Не разделяя две стороны своей личности – ученого и дидакта, Д. Н. Ушаков демонстрирует удивительное постоянство в поиске оптимальных путей внедрения научных идей в области синтаксиса в школьную практику. И надо заметить, что ему успешно удавалось реализовывать поставленную задачу. Во многом потому, что принадлежал Д. Н. Ушаков к тем редким ученым, которые способны о сложном писать очень просто, не затемняя смысл терминологическими хитросплетениями.

Литература

- Аванесов, Р. И. Дмитрий Николаевич Ушаков / Р. И. Аванесов // Русская речь. – 1973. – № 3. – С. 99–105.
- Алпатов, В. М. Человек-словарь (Д. Н. Ушаков) / В. М. Алпатов // Языковеды, востоковеды, историки. – М. : Языки славянских культур, 2012. – С. 24–28.
- Басовская, Е. Н. О глубинном смысле одного удараения (из истории газетной полемики конца 1930-х гг.) / Е. Н. Басовская // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер. История, филология, культурология, востоковедение. – 2015. – № 4 (4). – С. 99–107.
- Басовская, Е. Н. Из переписки Ф. Е. Корша и Д. Н. Ушакова (1905 – 1912) (публ. и коммент. Евгении Басовской) / Е. Н. Басовская // Новое литературное обозрение. – 2016. – № 4 (140). – С. 207–218.
- Басовская, Е. Н. Методические идеи Д. Н. Ушакова и современная педагогическая практика / Е. Н. Басовская // Гуманитарные науки. – 2017. – № 1 (37). – С. 12–18.
- Высотский, С. С. Д. Н. Ушаков и русская диалектология / С. С. Высотский // Русская речь. – 2003. – № 6. – С. 79–86.
- Газаева, Л. В. Некоторые проблемы обучения младших школьников синтаксису / Л. В. Газаева // Начальная школа плюс До и После. – 2005. – № 11. – С. 1–5.
- Ганиев, Ж. В. Д. Н. Ушаков и московское произношение / Ж. В. Ганиев // Русский язык в школе. – 2010. – № 10. – С. 80–85.
- Добродомов, И. Г. Дмитрий Николаевич Ушаков / И. Г. Добродомов // Отечественные лингвисты XX века (Т – Я) : сб. статей. – М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2003. – С. 58–71.
- Науменко, С. В. Орфографический меморандум Д. Н. Ушакова / С. В. Науменко // Русский язык в школе. – 2018. – Т. 79. – № 1. – С. 57–65. – DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-1-57-64.
- Науменко, С. В. Школьный «Орфографический словарь» Д. Н. Ушакова и упорядочивание правил правописания 1930 – 1950 годов (к 85-летию первого издания) / С. В. Науменко // Русский язык в школе. – 2019. – Т. 80 – № 5. – С. 90–99. – DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-5-90-99.
- Нефедов, И. В. Отражение системности лексики русского языка в первом толковом словаре советской эпохи / И. В. Нефедов, Т. П. Нефедова // Мир русского слова. – 2013. – № 1. – С. 8–13.
- Никитин, О. В. Московская диалектологическая комиссия в воспоминаниях Д. Н. Ушакова, Н. Н. Дурново и А. М. Селищева (неизвестные страницы истории Московской лингвистической школы) / О. В. Никитин // Вопросы языкознания. – 2002. – № 1. – С. 91–102.
- Никитин, О. В. Отечественная лексикография в 1930-е гг. : борьба идей и идеологий (из истории создания и обсуждения «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова) / О. В. Никитин // Мир русского слова. – 2016. – № 3. – С. 27–40.
- Никитин, О. В. Из истории отечественного языкознания XX века : к 145-летию со дня рождения Д. Н. Ушакова / О. В. Никитин // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2018. – № 1 (170). – С. 88–95. – DOI: 10.15393/uchz.art.2018.15.
- Норман, Б. Ю. Когнитивный синтаксис русского языка / Б. Ю. Норман. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. – 254 с.
- Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. / А. М. Пешковский. – М. : Языки славянских культур, 2001. – 544 с.
- Прохорова, И. О. «Рыцарь русской орфоэпии» : к 140-летию со дня рождения Д. Н. Ушакова // Вестник РУДН. Сер. Вопросы образования : языки и специальность. – 2014. – № 1. – С. 161–165.
- Телкова, В. А. Синтаксический разбор в трудах методистов буслаевской школы // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2012. – № 5. – С. 258–265.

Филиппова, О. Н. Памяти ученых. К 150-летию со дня рождения Д. Н. Ушакова / О. Н. Филиппова // Актуальные вопросы современной науки и инноватики. Сб. научных статей. – Уфа : Научно-издательский центр «Вестник науки», 2023. – С. 219–224.

Фортунов, Ф. Ф. Избранные работы. Т. 1 / Ф. Ф. Фортунов. – М. : Учпедгиз, 1956. – 450 с. – URL: https://archive.org/details/1_fortunatov_works/page/111/mode/2up (дата обращения: 05.06.2023).

Ушаков, Д. Н. Русский язык / Д. Н. Ушаков; Вступ. ст., подг. текста, сост. М. В. Панова. – М. : Просвещение ; АО «Учебная литература», 1995. – 320 с.

Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка, 3-е изд. / А. А. Шахматов / Вступ. статья д-ра филол. наук, проф. Е. В. Клобукова; редакция и комментарии проф. Е. С. Истриной. – М. : УРСС, 2001. – 624 с.

Щукин, Д. В. Советская власть и система народного образования в 1920-е годы : практика экспериментов в условиях построения новой государственности / Д. В. Щукин, О. Г. Некрылова // Научный диалог. – 2021. – № 5. – С. 462–476. – DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-462-476.

References

Alpatov, V. M. (2012). Chelovek-slovar' (D. N. Ushakov) [The Dictionary Man (D. N. Ushakov)]. In *Yazykovedy, vostokovedy, istoriki*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, pp. 24–28.

Avanesov, R. I. (1973). Dmitrii Nikolaevich Ushakov [Dmitry Nikolaevich Ushakov]. In *Russkaya rech'*. No. 3, pp. 99–105.

Basovskaya, E. N. (2015). O glubinnom smysle odnogo udareniya (iz istorii gazetnoi polemiki kontsa 1930-kh gg.) [About the Implication of a Word Stress from the History of the Newspaper Polemics in the USSR of the Late 1930s]. In *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya, kul'turologiya, vostokovedenie*. No. 4 (4), pp. 99–107.

Basovskaya, E. N. (2016). Iz perepiski F. E. Korsha i D. N. Ushakova (1905–1912) (publ. i komment. Evgenii Basovskoi) [From the Correspondence of F. E. Korsh and D. N. Ushakov (1905–1912) (Publ. and Comment. by Evgenia Basovskaya)]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 4 (140), pp. 207–218.

Basovskaya, E. N. (2017). Metodicheskie idei D. N. Ushakova i sovremennaya pedagogicheskaya praktika [Methodological Ideas of D. N. Ushakov and Modern Pedagogical Practice]. In *Gumanitarnye nauki*. No. 1 (37), pp. 12–18.

Dobrodromov, I. G. (2003). Dmitrii Nikolaevich Ushakov [Dmitry Nikolaevich Ushakov]. In *Otechestvennye lingvisty XX veka (T–Ya)*. Moscow, Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam RAN, pp. 58–71.

Filippova, O. N. (2023). Pamyati uchenykh. K 150-letiyu so dnya rozhdeniya D. N. Ushakova [In Memory of Scientists. To the 150th Anniversary of D. N. Ushakov's Birthdate]. In *Aktual'nye voprosy sovremennoi nauki i innovatiki: Sb. nauchnykh statei*. Ufa, Nauchno-izdatel'skii tsentr "Vestnik nauki", pp. 219–224.

Fortunatov, F. F. (1956). Izbrannye raboty. T. 1 [Selected Works. Vol. 1]. Moscow, Uchpedgiz. 450 p.

Ganiev, Zh. V. (2010). D. N. Ushakov i moskovskoe proiznoshenie [D. N. Ushakov and Moscow Pronunciation]. In *Russkii yazyk v shkole*. No. 10, pp. 80–85.

Gazaeva, L. V. (2005). Nekotorye problemy obucheniya mladshikh shkol'nikov sintaksisu [Some Problems of Teaching Syntax to Schoolchildren]. In *Nachal'naya shkola plus Do i Posle*. No. 11, pp. 1–5.

Naumenko, S. V. (2018). Orfograficheskii memorandum D. N. Ushakova [Spelling Memorandum by D. N. Ushakov]. In *Russkii yazyk v shkole*. Vol. 79, No. 1, pp. 57–65. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-1-57-64.

Naumenko, S. V. (2019). Shkol'nyi "Orfograficheskii slovar'" D. N. Ushakova i uporyadochivanie pravil pravopisaniya 1930 – 1950 godov (k 85-letiyu pervogo izdaniya) [A School Spelling Dictionary by D. N. Ushakov and Spelling Regulation of 1930 – 1950 (to the 85th Anniversary of the First Edition)]. In *Russkii yazyk v shkole*. Vol. 80, No. 5, pp. 90–99. DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-5-90-99.

Nefedov, I. V., Nefedova, T. P. (2013). Otrazhenie sistemnosti leksiki russkogo yazyka v pervom tolkovom slovare sovetskoi epokhi [The Reflection of the Russian Language Lexis Systemacy in the First Monolingual Explanatory Dictionary of the Soviet Epoch (Devoted to the 140-year Anniversary of Professor Dmitry N. Ushakov)]. In *Mir russkogo slova*. No. 1, pp. 8–13.

Nikitin, O. V. (2002). Moskovskaya dialektologicheskaya komissiya v vospominaniyakh D. N. Ushakova, N. N. Durnovo i A. M. Selishcheva (neizvestnye stranitsy istorii Moskovskoi lingvisticheskoi shkoly) [The Moscow Dialectological Commission in the Memoirs of D. N. Ushakov, N. N. Durnovo and A. M. Selishchev (Unknown Pages of the History of the Moscow Linguistic School)]. In *Voprosy yazykoznaniiya*. No. 1, pp. 91–102.

Nikitin, O. V. (2016v). Otechestvennaya leksikografiya v 1930-e gg. : bor'ba idei i ideologii (iz istorii sozdaniya i obsuzhdeniya "Tolkovogo slovarya russkogo yazyka" pod redaktsiei D. N. Ushakova [Domestic Lexicography in the 1930s: the Struggle of Ideas and Ideologies (from the History of the Creation and Discussion of the "Explanatory Dictionary of the Russian Language" Edited by D. N. Ushakov)]. In *Mir russkogo slova*. No. 1, pp. 27–40.

Nikitin, O. V. (2018). Iz istorii otechestvennogo yazykoznaniiya XX veka: k 145-letiyu so dnya rozhdeniya D. N. Ushakova [From the History of Russian Linguistics of the XXth Century: 145 Years Since D. N. Ushakov's

Birth]. In *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. No.1(170), pp. 88–95. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.15.

Norman, B. Yu. (2013). *Kognitivnyi sintaksis russkogo yazyka* [Cognitive Syntax of the Russian Language]. Moscow, FLINTA, Nauka. 254 p.

Peshkovskik, A. M. (2001). *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii*. 8-e izd., dop. [Russian Syntax in Scientific Coverage, 8th ed., Supplemented]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 544 p.

Prokhorov, I. O. (2014). "Rytsar' russkoi orfoepii": k 140-letiyu so dnya rozhdeniya D. N. Ushakova ["The Knight of Russian Orthoepy": To the 140th Anniversary of D. N. Ushakov's Birthdate]. In *Vestnik RUDN. Ser. Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'*. No. 1, pp. 161–165.

Shakhmatov, A. A. (2001). *Sintaksis russkogo yazyka, 3-e izd.* [Syntax of the Russian Language, 3rd ed.]. Moscow, URSS. 624 p.

Shchukin, D. V., Nekrylova, O. G. (2021). Sovetskaya vlast' i sistema narodnogo obrazovaniya v 1920-e gody: praktika eksperimentov v usloviyakh postroeniya novoi gosudarstvennosti [Soviet Power and System of Public Education in 1920s: Practice of Experiments in Conditions of Building New Statehood]. In *Nauchnyi dialog*. No. 5, pp. 462–476. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-462-476.

Telkova, V. A. (2012). Sintaksicheskii razbor v trudakh metodistov buslaevskoi shkoly [Syntactic Analysis in the Works of Methodologists of the Buslaev's School]. In *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 5, pp. 258–265.

Ushakov, D. N. (1995). *Russkii yazyk* [Russian Language]. Moscow, Prosveshchenie; AO "Uchebnaya literatura". 320 p.

Vysotskii, S. S. (2003). D. N. Ushakov i russkaya dialektologiya [Ushakov and Russian Dialectology]. In *Russkaya rech'*. No. 6, pp. 79–86.

Данные об авторе

Селеменова Ольга Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, методики его преподавания и документоведения, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина (Елец, Россия).

Адрес: 399770, Россия, г. Елец, ул. Коммунаров, 28.

E-mail: ol.selemeneva2011@yandex.ru.

Author's information

Selemeneva Olga Alexandrovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of the Russian Language, Russian Teaching Methodology and Document Science, Bunin Yelets State University (Yelets, Russia).

Дата поступления: 27.08.2023; дата публикации: 31.12.2023

Date of receipt: 27.08.2023; date of publication: 30.12.2023